

21 СЕН 1984

Интересные встречи

«Каждый русский будет сочувствовать цыганской песне...» — писал Л. Толстой. Да как не посочувствовать? Мятущая русская душа и мятежная цыганская словно ударились друг об друга, как камень и огниво. Первой искрой была знаменитая на всю Европу цыганская певица Стеша. Она выросла в хоре, которым дирижировал Иван Трофимович Соколов, — крепостном хоре графа Орлова. Потом, когда артистам дали вольную, племянник Ивана Трофимовича — Илья Соколов — руководил первым профессиональным цыганским хором. Стеша в нем была примдонной. Больше ста лет столичные города — Москва и Петербург — слушали-заслушивались цыганскими певицами. Талант и сила их были непомерны.

Наполеон, придя в Москву, велел разыскать и привести к нему «забаву московскую» — Стешу. Да она сбежала, уехала с москвичами в Ярославль, чтобы петь там. Ни в грош не считали цыганки ни императоров, ни цезарей, ни даренные царем перстни, ни бриллианты, которыми осыпали их колемопреклоненные почитатели.

Что они пели? Русские песни, романсы, пушкинские стихи... Удивительное дело — в устах Стеши, Тани, Пиши, Варя Паниной они звучали как цыганские.

...Не обо всем, конечно, успеет вспомнить сын дирижера знаменитого в свое время хора «Стрельни» гитарист, писатель, актер и старейшина цыганского театра «Ромэн» Иван Иванович Ром-Лебедев в фильме «Рассказы цыгана», который недавно был показан по телевидению. Много интересного осталось за кадром. Об этом сегодня наш разговор.

— Иван Иванович, в прошлом веке цыганские хоры были достопримечательностью столицы...

— Два самых известных хора тогда было, они работали в ресторанах, таких, как «Яр» и «Стрельня». Потом Варя Панина, знаменитая цыганская певица, которая сначала была в хоре моего отца, организовала свой собственный маленький ансамбль и тоже работала с ним и в «Яре», и в «Стрельне».

Все знаменитые певицы из хоров были чистокровными цыганками — и Стеша, и Пиша (Олимпиада Николаевна Федорова), и Таня, которой Пушкин читал свою поэму «Цыганы».

— Некоторые исследователи полагают, что Александр Сергеевич любил Таню. А что глядят на сей счет «семейные» цыганские предания?

— Я думаю, что отношения у них были дружескими. Пушкин читал ей стихи, она учила его играть на гитаре, цыганскому языку. Она, кстати, хорошо знала поэму Пушкина «Цыганы». И была благодарна поэту за то, что он истинно описал жизнь цыганки. Ну, а любили ли они друг друга? Кто знает. Во всяком случае, современники вспоминают, что перед свадьбой с Натальей Гончаровой на «мальчишнике» Пушкин все спрашивал Таню: благословляет ли она его брак? «Благословляю», — отвечала Таня. Но когда попросили ее спеть что-нибудь, она вместо веселой, подходящей случаю песни вдруг начала «Матушка, что во поле пыльно?» — да так, что Александр Сергеевич зарыдал и выбежал за дверь. «Что ж ты, Таня?» — спросили у нее. «Я хотела другу, — отвечает, — а запелась эта»...

Вспоминаю еще одну певицу. Было это уже в двадцатые годы. Мы гастролировали с хором Егора Алексеевича Полякова на Нижегородской ярмарке. Петь пришлось прямо посреди доро-

ги, между магазинами. Там еще фонтан был. Его прикрыли досками — получилась сцена. Впереди на стуле — певица, сзади — гитаристы. Шум, гам стоит. Какие тут песни?.. Егор Алексеевич спрашивает Зинаиду Давыдову: что петь будем? Она отвечает: «Пару гнедых». Я опять думаю: в таком гаме «Пару гнедых»? Сыграли вступление, видим, публика не слышит. Зинаида оглянулась на нас, улыбнулась как-то — не описать словами эту улыбку. Села по-прямее, ногу положила на ногу, поставила локоть на колено, рукой подперла подбородок и... уставилась глазами в толпу. И эта развеселая, занятая собой

— Иван Иванович, насколько я знаю, цыганские хоры очень редко распадались.

— Совершенно верно. Во-первых, это была семья в прямом смысле слова: артисты хора почти все приходились друг другу родственниками. Во-вторых, все в хоре зависели друг от друга. Заработанные деньги делились на паи. Каждому назначалась «зарплата» — столько-то паев. Дирижер получал десять, рядовой гитарист — полтора, хорошая плясунья — семь. А еще в каждом хоре были пенсионеры. «Старики» оказывались как бы точкой отсчета, хранителями традиций. Молодые невольно равнялись на их мастерство.

ПЕСНЯ ЦЫГАН

Наш собеседник актер театра «Ромэн» И. РОМ-ЛЕБЕДЕВ

толпа стала стихать. Пока не наступила гробовая тишина. В такой тишине мы и выступали. Я до сих пор помню этот случай и всё спрашиваю себя: ну как это можно, так вот, взглядом, укротить толпу? И единственное, что нахожу себе ответить: талант — он все может.

— Вспоминается, конечно, и плясунья Маша Артамонова, в которую был влюблен Есенин. Плясунья и певица Ляля Черная... — одни женские имена. Что же получается, Иван Иванович, славу цыганскому искусству создали женщины?

— Получается... так. Когда у хоровых рождался мальчик, на это смотрели обыкновенно: родился, и хорошо. А если на свет появилась девочка, от нее ждали многого. Она могла стать кормилицей хора, если оказывалась талантлива. Работали-то в ресторанах. А ресторан — не театр. Специальный человек был в хоре, который подсчитывал, сколько за вечер исполнено песен, плясок, романсов. Каждый «номер» оплачивался отдельно. Любая песня, например, стоила пять рублей. В этом была трагедия хоровых: их искусство имело твердую продажную цену. И каждый посетитель ресторана мог его себе заказать — под стерляжью ушницу на первое, жаркое из телятины на второе... А что означал по сути «красивый старинный бычай» ездить к цыганам в гости!

— В табор?

— Нет, на квартиру. В Питере, например, был дом знаменитого дирижера Николая Ивановича Шишкина, в Москве — дом моего отца, в котором тоже принимали гостей. Рестораны во втором часу ночи закрывались. А граф или купец, допустим, «недогулял». Куда ночью деваться? Да вот же, к цыганам, к Лебедеву на квартиру! На квартире до утра продолжается гулянье. Каждая песня — пятерка, каждая пляска — десятка. И уж совсем унижительным был дополнительный заработок, так называемые «лапки». Цыгане у дверей с поклонами ждали-встречали богатого гостя и получали от него подачки. Так и жили цыгане — вольные, да в неволе, горько пили свою сладкую жизнь. Может быть, именно эта горечь, противоречивость существования и сделала наше искусство таким пронзительным. Настоящие его ценители также бывали в нашем доме — Собинов, Мейерхольд, семья Толстых, Коненков. Они приезжали просто послушать, посмотреть.

— Равнялись на мастерство... А каким же образом тогда появились «Стаканчики граненые», и вся прочая «цыганщина» низкого пошиба?

— Цыганское искусство испытало два сильнейших удара, можно сказать, потрясения. Первое — в середине прошлого века. Когда в ресторанах стал распространяемым дурной вкус.

Подобное же произошло и при нэпе. О каком благоговении запомнен перед стихами Пушкина могла идти речь? Другая сторона: простые по мелодии песни цыган одухотворялись глубоким чувством, с которым исполнялись. Но когда зритель перестал его ценить, не чувствовал, как, например, «Цыганская венгерка» Аполлона Григорьева отзывался, будто живая, на вашу радость и горе, это была катастрофа, крах искусства. В ход и пошли «Стаканчики граненые». Спасли мог только театр, который работал бы для народа, не зависел от капризов ресторанной публики. И мы пошли к Лучначарскому прямо домой. Изложили ему идею создания первого в мире цыганского театра. Он загорелся, говорит: ну, раз в мире нигде нет, первым такой театр должен появиться, конечно, у нас.

И еще одна деталь: объявление о создании театра в «Вечерке» было 20 декабря 1930 года, а через пять дней уже начинался прием. Мы боялись, что таборные не узнают, не придут, но они пришли... Это была для нас настоящая радость. А из хоров в театр влились Марина Черкасова, Мария Скворцова, Нина Красавина, Валеонан Поляков, Ляля Черная, которая стала в театре примдонной.

Постепенно театр укрепился, накопил репертуар. Спектакли сейчас идут на русском языке. Только песни поем по-цыгански.

— Какие же теперь это песни?

— Настоящие таборные песни, цыганские. Песни знаменитых цыганских певиц. Пляски цыган. То, что, казалось бы, навсегда утрачено, мы стараемся восстановить, показать сегодняшнему зрителю, сохранить.

Оглядываясь сквозь годы, я вижу тот нелегкий, но славный путь, что прошло искусство цыганского народа. Об этом и рассказываю в книге воспоминаний «Записки московского цыгана», которую сейчас заканчиваю. А думая о будущем, надеюсь, он недалеко, новый взлет профессионального цыганского искусства. Они близко, новые имена звезд.

Беседу вел В. ВОСТРУХИН.